

Елена МИХАЙЛИК

Мандельштам был рассеян и всех постоянно путал –
Эвменид, аонид, гиперборейцев, киклопов,
Сделал пчел Персефоны собирателями уюта,
Научил вышивать Пенелопу.
Не помнил, какие ключи под ковриком – от какой вселенной,
Не отличал шепота свыше от дыханья Трехликой,
В общем, когда в девятьсот десятом он приказал ей «останься пеной»,
На язык-то ему подвернулась сначала не Афродита, а Эвридика.

Орфей на берегу ночевал, пустой, бессловесный внутри черного декабря,
А на рассвете увидел пенный кружевной вал, в силе и славе идущий через моря.

При 90 градусах прямой угол – кипит,
На любой доске, при любой задаче, конденсируя и разогревая воду,
Пока дежурный десятиклассник, растрепан и деловит,
Не сотрет его, плотно прижатой тряпкой отрезав путь кислороду.
В школе светло как в прозрачной пустой квартире,
Летней, хотя зима так давно и прочно дана,
Что на нее, как на условие задачи, можно сослаться.
Капелька кипятка уже холодна.
Учитель считает синус – снова четыре:
«Значит, ошибки нет. И правда – война.
Осторожно встаем и медленно выходим из класса».

Татьяне Апраксиной

На границе нет никакого куда и где,
Только встречный ветер, только огонь вдогонку;

Елена Михайлик родилась в Одессе, окончила филологический факультет ОГУ. С 1993 года живёт в Сиднее, преподаёт в университете Нового Южного Уэльса. Доктор философии. Стихи и статьи публиковались в антологии «Освобожденный Улисс», журналах «Арион», «Воздух», «Дети Ра», «Новый мир», «Новое литературное обозрение». Премия Андрея Белого в номинации «Гуманитарные исследования» (2019). Автор трех книг стихов. В «Волге» стихи публикуются с 2013 года.

В промежутке двуногий пес идет по воде
Под углом к течению, идет и несет ребенка.

А на той стороне когда-то был просто сад,
Тот, где летом плоды, а весною цветы пургою,
Чтобы радовать взгляд, заращивать след утрат,
Но теперь там а..., теперь там нечто другое,
А задача пса – не дать умершим уйти назад.

Почтенный старый койот – вот он идет!
Бог разврата и танца, зубастый-глазастый бурый трикстер
и жуткий проглот, проводник на ту сторону и хозяин ворот!

Почтенный старый койот!

Берегись!

Он может затеять войну от скуки, он с совестью пребывает в разлуке,
он все на свете вертит наоборот

Всю жизнь – и это трезвым, а он, вообще-то, пьет...

От него не жди тепла и заботы,

Он полный койот, и, как и все койоты – опасное саркастическое существо.

На что способен, он сам не знает,

Но если дойдешь до самого края, до рубежа, где ничто никто ничего –
Встань и зови его.

Он с тебя ничего не возьмет – а свет, который совсем погас,

Ворвется обратно вместе с временем, и пространством, и ритмом,
и возможностью сделать шаг,

И потом ты, конечно, проклянешь тот день и тот час, когда

этот изобретательный злонамеренный гад тебя все-таки спас,

свой омерзительно интересный быт, и подмигивающий с неба

желтый прицельный глаз...

Но это будет жизнь, в которой есть чем дышать.

Потому что

Почтенный старый койот всегда недоволен всем мирозданием:

Во вселенной слишком мало живого, спиртного, счастья и музыки –

зато дисгармония налицо,

Почтенный старый койот на всех своих гранях есть воплощение желания,

Он не терпит бессмысленного страдания и историй с плохим концом.

Но сегодняшний груз тяжелее толщи земной,

И небесных сфер, и безвыходного болота

Невселенной, и граничная речка волной, войной

Возражает, толкает, лупит черной стеной,

Чтобы там, где теперь несад, не случилось что-то...

И с носильщиком тоже – он смерть, безвидная мгла,

Он конец историй, равный враг и большим, и малым,

Этот груз на спине, эта жизнь сжигает его дотла,

Но зола собирается вновь, и делает шаг... потому что желанье впервые

совпало с функционалом...

Ни молекулы воздуха ни пути ни сил ни обломков нот.
Он не может дышать не может дойти не в силах нести – идёт.

*На мокрой дороге, где хрустящая смерть входит в любой зазор,
На море, где не существует твердь, на дне, в бараке, где сквозит
холерная взвесь,
Не нужно звать «приди, Святой Христофор»,
Посмотри – остроухая тень на стене, плаща золотой узор – он приходит
как вор, он давно уже здесь,*

*Его чудеса (в небе, во тьме, в пути), его рука (на всех сторонах земли) –
В тех событиях, что должны были произойти (с неизбежностью),
но не произошли.
Сработает ПВО, не взорвется газ, прекратится дождь, вирус утратит яд,
Святой Христофор-псоглавец помнит о нас, не ведающих, что творят.*

А потом, у разрушившихся ворот, у края зари,
Тот ребенок, тот ребе из Назарета, тот... который, улыбнется и подмигнет:
Вы свободны – и смерть, и все, кем она хочет быть, кто живет у нее внутри,
И носильщик тоже улыбнется всей пастью и сделает шаг вперед,
Оставляя за спиной царящий в аду разгром,
И пойдет своей дорогой уже вторым –
Анубис, Святой Христофор... и почтенный старый койот.

Почти тридцать лет как сошел инверсивный след,
И я живу в Та-Дешрет, и люблю Та-Дешрет,
Верней иных голосов поют в голове моей
Листва костяных лесов, змеи длинных морей,

Когда в багровой пыли на север идет пассат,
Когда в прогнозах дневных потоп сменяет пожар,
Я помню, куда звонить, я знаю, на что держать,
Время красной земли проживает в моих часах...

Ракушечник, чернозем, прозрачный фруктовый свет
Глядит в небесный проем – туда, где Кемет.

Человек рождается, он же умирает,
Прилетает Кришна из области рая,
Золотой как птица и черный как птица,
Говорит: «Захочешь, дам воды напиться.
Выпьешь и проснешься живым из болота,

Если не Меня, так поллюбишь кого-то,
Зеленую воду, рыжие крыши,
Кто-то есть, прислушайся и услышишь».
«Отвали свой рай, не латай душу,
Некуда мне быть, не во что слушать,
Взять воды, или чадо и домочадца,
Значит – возвращаться.
Там пустые нети, портвейн черноплодный,
Загаражный ветер ходит голодный,
Только если вишня... но уж когда вишня,
Её всюду слышно – и страшно, что слышно.
От нее сбежать, заспать, истлеть молочаем...»
Мне не разобрать, что ему отвечают,
Только тянет ветку вишня из-за ограды,
Близко, но чуть выше линии взгляда.

Над желтой косой по соседству, лиманом, клочком камыша,
Трубит многокрылый.
Старинное средство – отплакать и дальше дышать
Сейчас не по силам.

Под черной водою, взметнувшейся из рукава,
Чей остров, чей остов?
Единственный способ – забрать, переплавить в слова,
Сейчас не по росту.

*Но барабаном внутри на морском дне,
не замолкая, не отступая, катится ритм:
речь-которая-я принадлежит мне,
не взламывается извне, не отчуждаема, не горит.*

Когда-нибудь рыба, поймав световое окно,
Шагнет на песчаную сушу...
Какой можно фрейлехс, пока не раскрылось оно, покуда темно?
Пожалуй, «Катюшу».

*Но раз-два-три – абрикос, танцплощадка, вальс мимо нот –
два-три, повтори,
грохочет воздух, обваливается звезда,
та... какая там Атлантида, тот дачный пригород, что есть у меня внутри,
занимает все у меня внутри,
выдохнуть не дает у меня внутри,
никуда не уйдет,
не закончится никогда.*

А потом в наш прекрасный, притундровый, приснившийся лес
Слетели серафимы небес,
А у них есть привычка, известная на всю Колыму:
Не прощают любви никому.
Зря печалился Эдгар Алан, что недобрых гостей
В мир зазвал он силой страстей,
Шестикрылым неважно, какого рода любовь,
Они не терпят любовью,
С тех пор как горняя сила, о последствиях потопа скорбя,
Им запретила наших брать за себя.
Впрочем, некоторых испепеляющих любовь начала раздражать
Много раньше, с самого мятежа –
То ли неправильно воткнул соответствующий разъем,
То ли что-то с проводкой случается от нее.
Так что на запаха чувства слетаются с невидимых сфер,
С Юпитера, например,
Из любви создают трагедию, с размахом, избыточно, про запас –
Но не в этот раз.
Сейчас они мерзнут и с ужасом кутаются в крыла, озирая рудник Джелгала,
Вовсе не обнаруживая узнаваемого тепла:
– Но ведь это любовь была?
И окликаются камень, кипрей, сосна, отзывается золото, ни меры ему, ни дна,
отвечают мертвые из подземного сна:
– Кто еще? Конечно, это она.

Пьянь-криворучка, шантрапа, был в N городским палачом,
На казни всегда сбегалась толпа – посмотреть, ну как он ещё
Всё уронит, топор меж досок загонит, эшафот раскурочит на сто частей,
Оборачивая торжество закона торжеством площадных страстей.

Магистрат высиживал благосклонно, смотрел в цветное окно,
И честно миловал приговоренных – это страшно, когда смешно.

А меж своих говорил народ, что другого нанял бы суд,
Но если злую хворь ничего не берет – кого на помощь зовут?
У палача настолько дурной глаз и такие несчастья поселились в его дому,
Что болезни дохнут раз через раз и он лечит то, что не вытянуть никому.

Ну а совсем шепотком через ворот расскажет кто поумней,
Что ещё в ту войну стал обязан город Существом на Той Стороне.
Палач всем хорош был, потом под рекой насквозь прошел и вернул должок,
А свою удачу на том пережег, оттого и теперь такой.

Молвит ратман: долг еще не оплачен, далеко до конца игры,
Но Те, кто ест и дышит иначе, к нам неизменно добры –
Могли бы мор навести на коров, ветром мясо срывать с костей,
Но смеются, спасая глупых воров, исцеляя детей.

А в полночь у каменного моста вода от пены бела,
Там танцует не жадная пустота, там совсем другие дела,
Там споют: не наше озорство и лекарства эти не наш секрет,
И не брали мы у него ничего, только дали простой совет,

Как здесь жить и работать, в небо глядеть, не боясь, что найдет на сограждан стих.
Он совсем как мы – не любит людей, но очень жалеет их.

Полине Барсковой

На привычно холодной площади
посреди (опять!) замятни,
кроме змеи и лошади,
нет у Анны родни.
В остальных что говори, что не говори.
Спросите ее, Андреевну:
что она сохранит,
переписав свое время
в бронзу или гранит,
выдумав все – и слово, и друга, и декабри?
Нет, не воздух, не совесть,
не разум, не ремесло,
А маленькую способность
не путать добро и зло
и все еще улыбаться – ядовито, легко, светло,
находясь у смерти внутри.

Над Рубиконом небо привычно держится низко,
Цезарь глядит на воду, констатирует: «Жребий брошен».
Вообще-то шутит, цитирует Менаандра, «Флейтистку»,
О женитьбе как смерти. Знает, что делу не завершиться ничем хорошим.
Ибо когда тебя на пир зовут Всеблагие –
Только дурачок радуется этому чуду,
Только поэт может считать, что с такими как он счеты – другие,
А историк, он точно знает: туда приходишь как блюдо.
С самой лучшей армией – одиноким и безоружным.

С самым точным планом – до встречи с первым обвалом.
Что от тебя зависит, что не будет смыто следующей волною –
Какие победы, законы, мотыльковый полет над свечкой?
И зачем тогда ускользать, умирать, довольствуясь малым?
Почему не бросить кость и сделать как нужно?
Уезжает, не слыша:
Безупречная грамматика над очень черной войною,
Саркастическая цитата над мелкой речкой.

Они звонят в четыре утра и говорят: у нас перестал свет,
Земля порождает волчцы, инеистые грибы заходят за дедовскую межу,
Я переводчик, я на контракте, мне нечем сказать «нет»,
Я выхожу вовне и перевожу.
И потом сообщаю туда, в гул ночных поясов,
И потом пересказываю в толщу озер и гор:
Неполадки будут устранены в течение трех часов,
Если нет, вы имеете право расторгнуть ваш договор.
Какой? Тот, что определяет место, сущность и час.
Я не знаю, какую форму он носит лично у вас.
Тут все. Но глядя на этот довольно большой мир,
Довольно сложную речь, движение эфемерид,
Я могу произнести то, что в меня говорит эфир.
И только это. Я только эхо.
И ритм.